

В. В. Язевъ.

„Л. Н. Толстой,

Ц. Ломброзо

и полиція“.

Книгоиздательство „Новая Эра“.

1906.

Типографія «Порядокъ», Успенская, 83.

Дозволено цензурою. 5 февраля 1906 г.

Л. Н. Толстой, Ц. Ломброзо и полиція.

Въ мірѣ идейномъ и нравственномъ то-же разнообразіе, та-же борьба. Теократическія, монархическія, аристократическія, демократическія убѣжденія сталкиваются, борются, ограничиваютъ, видоизмѣняютъ другъ друга.

Ф. Гизо.

Нѣтъ, кажется, ни одного уголка въ цивилизованномъ мірѣ, гдѣ имя великаго писателя земли Русской — графа Льва Николаевича Толстого не произносилось-бы съ благоговеніемъ. Но въ то же время ни у кого нѣтъ такого кличества враговъ, завистниковъ и недоброжелателей, какъ у этого извѣстнаго всему міру мыслителя.

Многія лица, имѣвшія возможность побывать въ Ясной Полянѣ, составили о ея владѣтелѣ самое непривлекательное мнѣніе; эти господа обвиняютъ Л. Н. Толстого въ кощунствѣ, гордости, фразерствѣ, отсталости отъ вѣка и съ злорадствомъ высмѣиваютъ его оригинальный костюмъ.

Жоржъ Бурдонъ въ своей недавно вышедшей въ свѣтъ книжкѣ «En écoutant Tolstoï», между прочимъ, замѣчаетъ, что Л. Н. Толстой сознательно называетъ себя великимъ учителемъ, апостоломъ, философомъ, предъ которымъ всѣ окружающіе должны преклоняться. Ж. Бурдонъ увѣряетъ, что Л. Н. Толстой сказалъ, будто онъ—Л. Н. Толстой—созданъ не для того, чтобы воспринимать что-либо, перенимать чужія ученія или идеи, а для того чтобы поучать народъ, руководить имъ и повелѣвать.

Л. Н. Толстой, если вѣрить Ж. Бурдону, выразился приблизительно такъ:

— Природа меня создала для того, чтобы я училъ всѣхъ но ничего не перенималъ-бы у другихъ¹⁾...

Возмущаясь гордостью Л. Н. Толстого, его непреклонностью ни предъ чьими убѣжденіями, Ж. Бурдонъ въ негодованіи спрашиваетъ:

— А какъ назвать это преклоненіе предъ самимъ собою? Какъ назвать это утонченное себялюбіе? Какъ отнестись къ ученію Л. Н. Толстого относительно «непротивленія злу»? Вѣдь, онъ помѣшанъ на этой идеѣ!..

Ж. Бурдонъ увѣряетъ также, что Л. Н. Толстой въ бесѣдѣ съ нимъ сказалъ:

— Я какъ тотъ пассажиръ на кораблѣ въ бурю, который только одинъ оказался въ состояніи управлять рулемъ...

Эти слова крайне не понравились французскому интервьюеру, и онъ поспѣшилъ объявить ихъ во всеуслышаніе, прикрывъ своими комментаріями.

Въ прошломъ году въ Женевѣ появилась брошюра «*Raivre Léon Tolstoï!*», надѣлавшая много шуму, имѣвшая большой успѣхъ и громадное распространеніе среди «истинно русскихъ людей». Авторъ брошюры изъ скромности не выставлялъ своего имени на обложкѣ и... хорошо сдѣлалъ! Прочитавъ эту оригинальную по своему содержанію брошюру, невольно задаешь вопросъ: что-же, собственно говоря, новаго хотѣлъ авторъ сказать относительно Л. Н. Толстого? Категорическаго отвѣта на это нельзя найдти во всемъ «произведеніи», но за то съ самаго начала и до конца авторъ обвиняетъ Л. Н. Толстого во всемъ, въ чемъ только хотите: въ отсутствіи патріотизма, богоотступничествѣ, богохульствѣ, гордости, лицемѣріи, изувѣрствѣ, скряжничествѣ и т. д.

Довольно оригинально начинается сія съ громкимъ названіемъ брошюры. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что изобрѣтеніе беспроволочнаго телеграфа или сочиненіе «Анны Карениной» не являются достаточнымъ доказательствомъ, что Маркони или Левъ Толстой, какъ-бы знамениты они не были, могутъ

¹⁾... moi, que la nature a crée pour donner des leçons à tous et n'en recevoir de personne.

быть авторитетами въ вопросахъ не ихъ компетенціи. Я всегда была ¹⁾ того мнѣнія, что Тургеневъ, Достоевскій и Флоберъ были совершенно правы; совѣтуя гениальному автору «Войны и мира» отказаться отъ философіи и остаться въ роли писателя hors раіг. Ужасаясь реалистическими тенденціями Толстого, они предвидѣли, что философъ убьетъ въ немъ художника...

Философія Л. Н. Толстого, по мнѣнію автора, является какой-то мрачной, ничего общаго не имѣющей съ истинной философіей. Философскія ученія Л. Н. Толстого неосновательны, слишкомъ слабы, почти бессмысленны и не заслуживаютъ никакого вниманія.

Нарядъ графа—русская косоворотка, сапоги и картузь не нравится автору, ибо все это ничуть не увеличиваютъ славы Л. Н. Толстого, а, наоборотъ, уменьшаетъ ее. По этому поводу авторъ вспоминаетъ нѣкоторыхъ французскихъ депутатовъ, которые тоже наряжались «по народному», но довѣрія къ себѣ отъ этого «ряженія» не увеличивали. Преклоняясь предъ физическимъ трудомъ, который въ большинствѣ случаевъ является единственнымъ средствомъ для добыванія насущнаго хлѣба, авторъ скептически, съ ироніей относится къ земледѣльческимъ работамъ графа. Физическій трудъ для графа—это развлеченіе сибарита, укрѣпляющаго свое здоровье гимнастикой на свѣжемъ воздухѣ.

Авторъ также скептически смотритъ и на благотворительность графа. Фактъ раздачи графомъ во время неурожая въ Россіи, въ 1891 году, 142.000 рублей пострадавшимъ крестьянамъ ничуть не удивляетъ автора, такъ какъ эти деньги были пожертвованы не лично графомъ; эта сумма собранная въ Россіи и заграницей, была передана графу для распредѣленія среди нуждающихся по его усмотрѣнію.

— Я совершенно не нахожу—говоритъ авторъ—ни евангельской любви къ ближнимъ, ни отреченія отъ благъ земныхъ въ пользу неимущаго брата въ фактъ отказа Л. Н. Толстого отъ своего имѣнія, громаднаго состоянія, въ пользу жены... Но мнѣ прискорбно было найти ту же самую манію у патріархе

1) Авторъ брошюры «Pauvre Léon Tolstoï!»—женщина.

Ясной Поляны, какою страдают современные молодые люди: не успѣть у этихъ господъ зародиться какая нибудь серьезная мысль или сомнѣніе, какъ сейчасъ-же они спѣшатъ сообщить объ этомъ публикѣ и заключаютъ контрактъ съ издателями. Мнѣ кажутся болѣе чѣмъ неосновательными, ужасными тѣ эпитеты, которыми графъ надѣляетъ всемірно извѣстныхъ людей ¹⁾. Такъ, на примѣръ: Наполеонъ-глупецъ, Додэ-посредственность, Вагнеръ-извращеніе искусства; Софокль, Эврипидъ, Шекспиръ, Мильтонъ, Данте, Бетховенъ, Листъ и проч. и проч.—ничтожества, восхваляемая глупыми критиками... Кромѣ того графъ заявляетъ съ апломбомъ ²⁾: телеграфъ и телефонъ — варварское изобрѣтеніе; искусство, поэзія — мыльный пузырь... Я обхожу молчаніемъ чудовищную претензію Льва Толстого исправить Евангеліе...

Удивляясь отсутствію патріотизма у Л. Н. Толстого, авторъ восклицаетъ:

— Съ трепетомъ открыла я книгу Л. Н. Толстого «Русско-японская война»... Прочтя ее я ужаснулась... Теперь только я поняла, почему Гапонъ, приверженецъ Толстовщины, осмѣлился проповѣдывать солдатамъ нарушеніе присяги... Какъ истинно-русская женщина и патріотка, любящая свою несчастную, страдающую родину, я не могу не содрогаться предъ Толстымъ. Мнѣ кажется, невозможно, чтобы семидесятишестилѣтній старецъ не отдавалъ себѣ отчета о тѣхъ послѣдствіяхъ, какія могутъ получиться какъ результатъ его ученія, дѣйствующаго разлагающимъ образомъ на умъ однихъ и являющагося орудіемъ въ рукахъ другихъ... Я спрашиваю: есть-ли у Толстого какая-нибудь совѣсть? Вмѣняемъ-ли онъ?... Или, можетъ быть, онъ настолько опьяненъ своею славою, что не въ состояніи дать себѣ яснаго отчета въ своихъ словахъ и поступкахъ?..

Не много-ли на себя беретъ «авторъ съ тремя звѣздочками?» Повидимому, сей авторъ мало знакомъ съ значеніемъ слова «патріотизмъ» и слишкомъ односторонне, узко его понимаетъ. Этика-же, должно быть, совершенно не знакома «истинно-русской патріоткѣ».

¹⁾ Ж. Бурдонъ «En écoutant Tolstoï» стр. 36.

²⁾ Л. Н. Толстой, «Русско-японская война» стр. 153, 227.

Съ неподдѣльнымъ паѳосомъ авторъ вопрошаетъ:

— Скажите намъ, наконецъ, графъ Толстой, кто вы, что вы изъ себя изображаете?.. На какомъ основаніи вы предполагаете, что являетесь какимъ-то вершителемъ судьбы?.. Кто вамъ далъ на это право? Почему вы думаете, что въ глазахъ Отца Небеснаго вы стоите гораздо выше, чѣмъ простой вѣрующій— православный, религія котораго вамъ кажется такой дикою?.. Скажите намъ кто вы?..

Жаль, что любитель прокурорскихъ рѣчей скрываетъ свое имя, прячась за «звѣздочкой». Было-бы очень интересно, если-бы Л. Н. Толстой «богоотступникъ», «безсовѣстный старикъ» вступилъ въ полемику съ господиномъ прокуроромъ и сказалъ-бы ему нѣсколько прочувственныхъ словъ.

Не вдаваясь въ дальнѣйшую оцѣнку брошюры «*Raivre Léon Tolstoï!*», слѣдуетъ только указать, что особенно странное впечатлѣніе производитъ на читателя то мѣсто, гдѣ авторъ, не стѣсняясь, раскрываетъ интимную жизнь графа, иллюстрируя ее въ самомъ непривлекательномъ свѣтѣ. Вотъ это прелестное мѣсто:

— Четыре поколѣнія Романовыхъ воздавали должное вашему таланту, вашему генію, о, графъ Толстой, а Николай I, когда вы были еще новичкомъ въ писательскомъ дѣлѣ, отечески рекомендовалъ васъ генералу, командовавшему арміею на Кавказѣ. Когда, послѣ большого карточного проигрыша, очень чувствительнаго для вашихъ тогдашнихъ средствъ, вамъ оставались только—стыдъ и позоръ, (въ это время вы еще признавали самодержавіе), опять онъ, самодержецъ, протянулъ вамъ правую руку помощи такъ, что лѣвая объ этомъ не знала...²⁾

Допуская даже, что это карточное недоразумѣніе, дѣйствительно, случилось съ графомъ въ періодъ его военной, безшабашной жизни, все-таки, изъ этого еще не слѣдуетъ, что о немъ надо трубить на весь свѣтъ. Съ кѣмъ грѣха не бываетъ?..

1) Какимъ-же образомъ узналъ объ этомъ авторъ «съ тремя звѣздочками?»

А вотъ еще перлъ изъ той-же брошюры: говоря объ отлученіи отъ церкви графа Л. Н. Толстого на основаніи постановленія св. синода, авторъ съ негодованіемъ замѣчаетъ, что многіе были возмущены и поражены поступкомъ «святыхъ» отцовъ.

— Не могъ-же св. синодъ,— восклицаетъ авторъ,— возложить лавровый вѣнокъ на чело писателя, послѣднія произведенія, котораго направлены противъ религіи, самодержавія, государства, законовъ, арміи, воинской чести, однимъ словомъ, противъ всего русскаго соціального строя!..

Итакъ, «бѣдный Левъ Толстой!» воскликнемъ и мы... Кто только тебя не «обижаетъ!» Но въ утѣшеніе тебѣ остается сказать, что различные Бурдоны и неизвѣстные авторы такъ и останутся только Бурдонами и «тремя звѣздочками», а твое имя, окруженное ореоломъ славы, навсегда останется великимъ и извѣстнымъ всему міру.

II.

Христіанство, истинное христіанство, по моему мнѣнію, тѣмъ и отличается отъ религій, которыя можно назвать общественными, какъ католичество, магометанство, я думаю, даже, конфуціанство—что оно обращается къ душѣ каждаго отдѣльнаго человѣка, разрѣшаетъ вопросы жизни, указываетъ ему его назначеніе, состоящее въ исполненіи воли Бога, въ слияніи съ ней своей воли, въ служеніи для Бога Богуи людямъ и тѣмъ даетъ ему спокойствіе и благо¹⁾.

Л. Н. Толстой.

Лавры Л. Н. Толстого, какъ писателя, не даютъ спать многимъ современнымъ литераторамъ, а его ученіе о христіанствѣ возмущаетъ нашихъ духовныхъ проповѣдниковъ; они на всѣ лады стараются доказать, что графъ не правъ и сильно заблуждается.

¹⁾ «Журналъ для всѣхъ» за 1904 г.

Профессоръ богословія І. І. Добросердовъ въ своей лекціи «Христіанство и патріотизмъ», прочитанной публично, между прочимъ, говоритъ, что патріотизмъ, по мнѣнію графа Л. Н. Толстого, не совмѣстимъ съ ученіемъ Христа. Въ своей диссертации І. І. Добросердовъ старается опровергнуть этотъ ложный взглядъ яснополянскаго философа. По ученію Христа нѣтъ ни іудеевъ, ни эллиновъ и всѣ—братья въ Богѣ. Царство Христа—это царство вѣры и благодати. Церковь ведетъ все человѣчество къ познанію истиннаго Божества и къ подчиненію всѣхъ Единому Адаму—Христу.

Но отсюда еще далеко до вывода, что національность является грѣховнымъ элементомъ съ точки зрѣнія христіанства.

Святые апостолы, а за ними вселенскіе и помѣстные соборы, а также и святые отцы церкви признавали автокефальность отдѣльныхъ церквей и тѣмъ самымъ освѣтили національный принципъ. Чтеніе какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта убѣждаетъ въ томъ, что любовь къ своему отечеству всегда считалась добродѣтелью...¹⁾ Самъ Господь Іисусъ Христосъ показалъ намъ Своей любовью къ родному іудейскому народу примѣръ патріотизма. Патріотизмъ вовсе не противорѣчитъ общечеловѣческому идеалу. Человѣчество невысказано безъ народовъ, его составляющихъ

Народъ, по мнѣнію І. І. Добросердова, есть органъ человѣчества, но національная обособленность есть необходимое условіе естественнаго развитія народа. Каждый народъ долженъ развивать свои дарованія и особенности и познавать себя, укрѣпляя въ себѣ хорошее и искореняя дурное. Критеріемъ въ дѣлѣ распознаванія хорошаго и дурнаго является ученіе православной церкви.

Конечно, съ этимъ можно согласиться съ точки зрѣнія только лишь истинно вѣрующаго православнаго священника но... о. І. І. Добросердовъ на это не обратилъ вниманія. Для большого

¹⁾ Нѣкоторые древніе философы на это иначе смотрѣли, доказывая, что любовь къ отечеству—вещь хорошая, но не добродѣтель, ибо есть нѣчто выше ея—любовь къ истинѣ Зола устами своего героя вѣщаетъ: «я не французъ и не хочу принадлежать ни къ какой національности. Отечество для меня всюду, такъ какъ я чувствую себя гражданиномъ всего міра...»

убѣжденія въ правильности своего мнѣнія о. І. І. Добросердовъ краснорѣчиво заявляетъ :

— Въ народности нѣтъ истины и жизни, нѣтъ фізіономіи....

Можетъ быть, почтенный батюшка совершенно правъ въ своихъ аргументахъ, но онъ уклонился отъ первоначальной своей мысли: онъ, всетаки, не опровергнулъ съ достаточной ясностью взглядъ Л. Н. Толстого относительно несомвѣстимости христіанства и патріотизма.

Невѣріе Л. Н. Толстого въ божественность Іисуса Христа породило цѣлую плеяду ярыхъ проповѣдниковъ по этому поводу. Для примѣра укажемъ на одного изъ нихъ, взгляды котораго лишь отчасти могутъ быть оспариваемы.

Докторъ богословія А. Д. Бѣляевъ въ своемъ краткомъ рефератѣ излагаетъ ученіе евангелія о воплощеніи Сына Божія въ лицѣ Іисуса Христа.

Цѣль реферата—доказать ошибочное истолкованіе этого ученія графомъ Л. Н. Толстымъ. По мнѣнію Л. Н. Толстого, Христосъ былъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ мы. Богомъ себя не считалъ, и если и называлъ Себя Сыномъ Божиимъ — то въ общемъ значеніи этого слова. Бѣляевъ доказываетъ, что графъ пришелъ къ этому возрѣнію не первый. До него отрицали божественность Христа іоанниты (вскорѣ послѣ вознесенія Господа на небо) и въ новѣйшія времена раціонализмъ, имѣвшій своими отцами Гегеля и Шеллинга.

Анализируя богословскія мнѣнія графа Л. Н. Толстого и сопоставляя ихъ какъ съ отдѣльными текстами Евангелія, такъ и съ общимъ духомъ и смысломъ Христова ученія, профессоръ Бѣляевъ обнаруживаетъ ихъ несостоятельность.

Изъ Евангелія ясно, что Христосъ былъ Богомъ и Сыномъ Божиимъ Себя именовалъ не въ общемъ смыслѣ, а въ особенномъ. Маріи Магдалинѣ онъ сказалъ: «восхожу къ Отцу Моему, къ Отцу вашему, Богу Моему и Богу вашему». Онъ также называлъ себя единокровнымъ, т. е. единственнымъ Сыномъ Бога. Это и многое другое показываетъ, что Христосъ былъ сыновенъ Богу особеннымъ, исключительнымъ, одному Ему свойственнымъ, образомъ.

Л. Н. Толстой отдалился отъ этого правильнаго понятія о божественности Христа, потому что относится къ религіознымъ вопросамъ черезчуръ раціоналистически, *разсудочно*, резонерски-односторонне.

Такое отношеніе къ религіи, по мнѣнію А. Д. Бѣляева, ошибочно, такъ какъ одному разсудку она не поддается. Тайна воплощенія Христа есть тайна относительная для человѣческаго ума...

Изъ этого краткаго реферата видно, что А. Д. Бѣляевъ—врагъ всѣхъ тѣхъ людей мыслящихъ, которые относятся къ религіознымъ вопросамъ слишкомъ раціоналистически, разсудочно. Можно полагать, профессоръ богословія боится, что разсудокъ, наука, размышленія могутъ убить вѣру. По его мнѣнію, выходитъ такъ, что если бы какую угодно вѣру можно было обосновать научно, она перестала бы быть вѣрой. Вѣра потеряла-бы всякій нравственный смыслъ, если бы свелась на знаніе.

На это можно возразить,—гдѣ нѣтъ мѣста знанію, тамъ открывается широкое поле для самыхъ несообразныхъ фантазій. Религія—есть такая же область человѣческаго духа, какъ и всякая другая духовная область и потому допускаетъ изученіе. Чѣмъ основательнѣе будетъ изучена религія, тѣмъ нравственный смыслъ ея будетъ устойчивѣе.

Но А. Д. Бѣляевъ, конечно, съ этимъ не согласенъ, онъ противъ «разсудочнаго» отношенія къ религіи и съ пѣной у рта обвиняетъ Л. Н. Толстого въ богоотступничествѣ.

Нельзя, вѣдь, отрицать, что Л. Н. Толстой—великій мыслитель-философъ; философія-же, по словамъ Филона¹⁾,—дитя разума. Она есть попытка объяснить разумомъ тайны, среди которыхъ мы движемся, живемъ и существуемъ. Трудно поэтому требовать отъ философа, чтобы онъ отказался отъ философіи, въ которой разумъ долженъ царствовать или одинъ, или сложить съ себя правленіе.

1) Дж. Льюисъ. «Исторія философіи».

Невозможно вслѣдствіе этого требовать отъ Л. Н. Толстого, чтобы онъ относился ко всему окружающему не «разсудочно», какъ того желаютъ наши богословы¹⁾.

III.

Кромѣ Бурдоновъ, авторовъ «съ тремя звѣздочками» и богослововъ Л. Н. Толстымъ недовольны многочисленны иностранные журналисты. Удивительная исторія: не успѣетъ какой-нибудь американецъ или англичанинъ, сотрудникъ иллюстрированнаго «магазина» пріѣхать въ Россію, какъ сейчасъ-же онъ всѣ свои помыслы направляетъ къ Ясной Полянѣ; ему непремѣнно хочется побывать тамъ и непремѣнно «лично» поговорить съ вснопольанскимъ философомъ.

Свиданіе устроено, любопытство удовлетворено, интервьюэръ уѣзжаетъ и.. пошла писать губернія. О графѣ начинаютъ писать всевозможныя были и небылицы: графъ и такой, и сякой, и говоритъ онъ громко, и смѣется не такъ, какъ другіе, и гордъ чрезмѣрно, и неприступенъ, и одѣвается странно и проч. и проч.

По этому поводу можно было бы привести цѣлую серію журнальныхъ статей, корреспонденцій, интервью, авторы которыхъ по той или другой причинѣ недовольны графомъ.

Даже самъ вездѣсущій В. Т. Стедъ, редакторъ англійскаго журнала «Review of Reviews», пріѣзжавшій недавно въ Россію для устройства митинговъ и успокоенія русскаго народа (такъ, по крайней мѣрѣ, В. Т. Стедъ высказался о цѣли своего пріѣзда въ Россію), поклонникъ генерала Трепова, — крайне недоволенъ графомъ Л. Н. Толстымъ за его «странный» образъ мышленія и взгляды на современное положеніе Россіи²⁾.

Цѣлый легионъ недовольныхъ. За что? Только лишь за то, что графъ Л. Н. Толстой великій, всемірно-извѣстный писатель, а они всего на всего «три звѣздочки».

1) Въ журналѣ «La Revue» № 17 за 1905 г. помѣщена интересная статья Л. Н. Толстого «Les religions», въ которой графъ высказываетъ довольно оригинальные взгляды на религію.

2) См. «Review of Reviews» за ноябрь и декабрь 1905 г.

По мнѣнію же сторонниковъ, почитателей графа, его можно причислить къ тѣмъ людямъ, о которыхъ Ф. Гизо говоритъ:¹⁾

— «Наконецъ, четвертая причина цивилизаціи—причина, подлежащая точной оцѣнкѣ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительная,— это появленіе великихъ людей. Никто не можетъ сказать, почему въ извѣстную эпоху является великій человѣкъ, и насколько онъ участвуетъ въ развитіи міра,—это тайна провидѣнія; но самый фактъ тѣмъ не менѣе существуетъ. Есть люди, которыхъ поражаетъ или возмущаетъ видъ анархіи или застоя въ обществѣ, которые встаютъ всей душой противъ незаконности этого факта и чувствуютъ въ себѣ непреодолимую потребность измѣнить его, внести въ окружающій ихъ міръ нѣкоторый порядокъ, нѣчто общее, правильное, прочное... Сила этихъ людей велика и спасительна, потому что она приводитъ человѣческій родъ въ сильное движеніе, заставляетъ его сдѣлать большой шагъ впередъ.»

Понятно, такая сила не можетъ нравиться мелкимъ шавкамъ, въ безсильной злобѣ бросающихся на слона. Вообще сильные умы обладаютъ и сильными страстями, которыя придаютъ особую живость всѣмъ ихъ идеямъ; а великія идеи въ одно и то же время и покоряютъ и возбуждаютъ противъ себя.

Гейне однажды выразился: «человѣкъ—самое тщеславное изъ животныхъ, а поэты самые тщеславные изъ людей».

По этому поводу Ц. Ломброзо замѣчаетъ²⁾, что болѣзненная впечатлительность поражаетъ также и непомерное тщеславіе, которымъ отличаются не только люди геніальные, но и вообще ученые, начиная съ древнѣйшихъ временъ.

Никто не въ состояніи оспаривать, что Л. Н. Толстой—геній въ своемъ родѣ, а потому нечего господамъ Бурдонамъ и tutti qaunti особенно удивляться его тщеславію или гордости—если таковыя порой у графа проявляются.

Многіе изъ тѣхъ лицъ, которымъ приходилось бесѣдовать съ графомъ, отзываются о немъ, какъ о человѣкѣ въ высшей

1) Ф. Гизо. «Исторія цивилизаціи въ Европѣ».

2) Ц. Ломброзо. «Геніальность и помѣшательство».

степени несговорчивомъ, упрямомъ... На это также можно найти объясненіе у Ц. Ломброзо, знаменитаго психолога, доказывающаго, что вслѣдствіе преувеличенной и сосредоточенной чувствительности у великихъ людей, чрезвычайно трудно убѣдить или разубѣдить ихъ въ чемъ бы то ни было.

Богословамъ, антагонистамъ графа, не слѣдуетъ забывать, что новѣйшая наука такъ расширила понятіе о Богѣ, что чело-вѣческой разумъ, не отрекаясь отъ самого себя, стремится къ этому логическому, понятному, такъ сказать, естественному культу. Теперь мы переживаемъ интересный и плодотворный фазисъ цивилизаціи, послѣдствія котораго не за горами.

Теперь, какъ говоритъ Л. Н. Толстой въ своемъ послѣднемъ произведеніи¹⁾,—именно теперь началъ совершаться тотъ переворотъ, который готовился почти 2000 лѣтъ во всемъ христіанскомъ мірѣ,—переворотъ, состоящій въ замѣнѣ извращеннаго христіанства—истиннымъ христіанствомъ и основаннымъ на немъ признаніемъ равенства всѣхъ людей и истинной, свойственной разумнымъ существамъ, свободой всѣхъ людей.

Непрерывная работа таинственныхъ соковъ, которыми такъ богата душа русскаго народа, теперь становится видимой для всякаго, кто умѣетъ и желаетъ видѣть. Соки эти отовсюду поднимаются, отовсюду нисходятъ...

Пусть графъ Л. Н. Толстой будетъ гордымъ, дерзкимъ, вспыльчивымъ, скрягой, какимъ называютъ графа его недоброжелатели, но пусть только его дѣятельность по прежнему будетъ направлена на благо народа...и да простятся ему его личныя прегрѣшенія вольныя и невольныя.

Чтобы тамъ ни проповѣдывало духовенство, все-таки, нужно согласиться, что теперь на одномъ только богословіи далеко не уѣдешь. На устарѣлыхъ основахъ, понятіяхъ долго нельзя удержаться. Все измѣняется, обновляется. Не можетъ быть общества безъ вѣрованій, точно также какъ литературы безъ идеаловъ; но и то и другое находятся въ большой зависимости отъ текущихъ событій. Всѣ чело-вѣческія учрежденія подвергаются непрерывному измѣненію.

¹⁾ Л. Н. Толстой. «Конецъ вѣка».

Л. Н. Толстой въ одно и то же время и великій писатель и не менѣ великій общественный дѣятель. Его дѣятельность навсегда останется памятной для русскаго народа, дѣла же и труды господъ Бѣляевыхъ, Бурдоновыхъ и неизвѣстныхъ авторовъ, т. е. тѣхъ лицъ, кто не предполагаетъ себѣ постоянной цѣлью нравственное совершенство человѣчества, пройдутъ безслѣдно.

Авторъ «Власти тьмы»—графъ Л. Н. Толстой неутомимо и мучительно ищетъ умомъ и сердцемъ вездѣ, въ окружающей дѣйствительности, высшей правды, какъ лучшаго блага въ мірѣ, какъ проникающей жизнь тайны, какъ руководящей цѣли для своей дѣятельности. Онъ, подобно Платону, признаетъ, что одна истина должна быть цѣлью стремленій человѣка.

Тургеневъ въ одномъ изъ своихъ предсмертныхъ писемъ, называя Л. Н. Толстого «великимъ писателемъ Русской земли», говоритъ, что Л. Н. Толстой—великъ и въ непритязательной простотѣ жизни. Послѣдняя посвящена двумъ цѣлямъ—быть общественнымъ дѣятелемъ, полезнымъ меньшей братіи и служить русской литературѣ.

Довольно ярко, характеристично описываетъ эту «непритязательной простоты» жизнь русскаго мыслителя извѣстный итальянскій профессоръ Ц. Ломброзо, психологъ, авторъ теоріи «прирожденныхъ преступниковъ». Профессоръ пріѣзжалъ въ Россію въ 1897 году и во время своего недолгаго въ ней пребыванія успѣлъ посѣтить патріарха Ясной Поляны. Описаніе путешествія Ц. Ломброзо было помѣщено въ нѣмецкомъ журналѣ «Das Freie Wort». На просьбу редакціи этого журнала Ц. Ломброзо отвѣчалъ:¹⁾

IV.

— Вы просили меня подѣлиться съ вами впечатлѣніями, которыя я получилъ въ Россіи отъ моего свиданія съ Толстымъ. Я долженъ признаться, что до сихъ поръ, да даже и теперь я чувствую нѣкоторое смущеніе касаться этого предмета вслѣд-

¹⁾ «Das Freie Wort» и «C. Lombroso chez Tolstoï».

ствіе опасенія, чтобы какое нибудь неосторожное слово моего сказа не подало повода обвинять меня въ неблагодарности за необыкновенное радушіе и любезность оказаннаго мнѣ приѣма. Постараюсь, однако, избѣжать этого.

Я прибылъ въ Россію въ 1897 г. на тамошній съѣздъ врачей. Гостепріимство, оказанное намъ въ то время правительствомъ, было такъ велико, что даже подрѣзало крылья рвенію русской полиціи, которая въ этомъ государствѣ могущественнѣе самого царя. Тѣмъ не менѣе повѣрка моего паспорта задержала меня въ Варшавѣ до глубокой ночи, и втеченіе 48 часовъ, которые я провелъ тамъ, при видѣ полицейскихъ карауловъ, расположенныхъ на углахъ всѣхъ улицъ и у дверей каждой гостиницы, длинныхъ процессій арестантовъ на большомъ мосту, безлюдныхъ площадей, оголенныхъ церквей и обезглавленныхъ статуй—мнѣ казалось, что правительство какъ бы рѣшилось обезглавить вмѣстѣ съ геніемъ польскаго народа и самую его мятежную столицу. Генераль, *замѣняющій собою*, городской совѣтъ, военный лагерь, расположенный буквально на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ города, *нахально* вызывающее выраженіе на лицахъ солдатъ и полицейскихъ,—все это произвело на меня такое сильное впечатлѣніе отвращенія и ужаса, какъ будто я очутился въ городѣ, захваченномъ гуннами, или находился въ своей родной Ломбардіи въ самыя худшія времена австрійскаго господства, ужасы котораго и до сихъ поръ не могутъ изгладиться изъ моей памяти.

Не смотря на это, приѣмъ, такъ любезно приготовленный мнѣ русскими, превзошелъ всѣ мои ожиданія и заслуги. Когда я подумаю о томъ, что еще въ Смоленскѣ сотни студентовъ Московскаго университета вышли мнѣ на встрѣчу, что мои московскіе коллеги, не позволивъ мнѣ остановиться въ гостинницѣ, отвели мнѣ помѣщеніе въ Кремлѣ, что я не могъ показаться на улицѣ, не будучи тотчасъ окруженъ толпою почитателей, что не только высшія должностныя лица, но и простые люди изъ народа, казалось, знали мои сочиненія, едва терпимыя въ моемъ отечествѣ, я съ грустью вспоминаю при этомъ, какъ невозможно было мнѣ отдѣлаться тогда отъ какого то кошмара, который рядомъ съ радостями Капитолія рисовалъ мнѣ Тарпей-

скую скалу Сибири, въ видѣ неизбежной кары за слишкомъ большое народное благоволеніе.

Между тѣмъ по поводу моего желанія посѣтить Толстого произошелъ слѣдующій случай:

Едва успѣлъ я послать телеграмму изъ Кремля знаменитому писателю о моемъ желаніи навѣстить его, какъ генераль-полиціймейстеръ Кутузовъ далъ мнѣ понять, что этотъ визитъ будетъ непріятенъ правительству. Я возразилъ, что меня влечетъ единственно литературный интересъ. Но—напрасныя слова: генераль въ отвѣтъ мнѣ принялся энергически крутить рукою въ воздухѣ и, наконецъ, сказалъ:

— Да развѣ вы не знаете, что у него тамъ, въ головѣ, не совсѣмъ въ порядкѣ?

Я поспѣшилъ обратить въ свою пользу это замѣчаніе:

— Но потому то именно мнѣ и хочется повидаться съ нимъ: вѣдь я психіатръ.

Лицо генерала мгновенно просвѣтлѣло:

— Это другое дѣло, сказалъ онъ; если такъ, то вы хорошо дѣлаете.

Черезъ день послѣ этого я уже выѣзжалъ изъ Тулы въ небольшой каретѣ въ Ясную Поляну, находящуюся недалеко отъ этого города.

Не скрою, что я предпринялъ эту поѣздку къ Толстому отчасти и какъ психіатръ. Изучивъ въ продолженіе долгихъ лѣтъ патологическія основы генія, я нашелъ въ разныхъ сочиненіяхъ Толстого столько благопріятныхъ для моей теоріи пунктовъ (напр. наслѣдственный недугъ, причуды и эксцентричности въ юномъ возрастѣ, припадки эпилепсіи, доходящее до галлюцинацій душевное возбужденіе), что могъ надѣяться встрѣтить нѣкоторыя подтвержденія этому и въ живой личности знаменитаго художника и романиста. Оправдались-ли эти ожиданія? Все, что я видѣлъ, вступивъ въ домъ великаго писателя, клонится, повидимому, къ опроверженію какъ того, что я предполагалъ увидѣть въ немъ, такъ и всѣхъ этихъ легендъ, которыя съ теченіемъ времени образовались вокругъ его личности.

Начну съ описанія наружности.

Подошедши къ дверямъ жилища Толстого, я увидѣлъ передъ собою старика съ почти солдатскимъ выраженіемъ лица, съ острымъ, пронизательнымъ взоромъ и глубокими морщинами на угловато очерченномъ лицѣ; все это напоминало скорѣе браваго, здороваго, прошедшаго черезъ военную выправку мужика, чѣмъ мыслителя и художника.

Пресловутый крестьянскій костюмъ его ограничивался очень удобной и безукоризненно чистой блузой, въ которую я и самъ охотно облекся бы во время сильныхъ жаровъ, а сапоги на его ногахъ не походили на самодѣльные.

Обращеніе его было вполне спокойное, корректное и любезное, за исключеніемъ случаевъ, когда разговоръ принималъ направленіе, противорѣчащее его идеямъ, касаясь такихъ темъ, какъ напр., «искусство для искусства», или спора о «прирожденныхъ преступникахъ»; тутъ онъ нѣсколько выходилъ изъ этой обычной колеи; но то же самое я до сихъ поръ замѣчалъ у всѣхъ лицъ, которыя, разъ составивъ себѣ твердое убѣжденіе, охраняютъ его съ ревностью скряги, стерегущаго свое сокровище.

Не нашелъ я также никакого слѣда его лаптей и земледѣльческихъ работъ. Онъ занимался каждодневно четыре часа литературной работой, на которую промѣнялъ земледѣльческую по совѣту своей жены, какъ онъ самъ мнѣ сказалъ это.

Какъ и всякій замѣчательный человекъ, онъ знаетъ себѣ цѣну. Въ его домѣ нѣтъ такого уголка, гдѣ бы не было его статуи, бюста или портретовъ, изображающихъ его то сидящимъ за столомъ, то верхомъ на лошади, то пишушимъ.

Такъ же высоко цѣнить онъ и проповѣдуемая имъ идеи, и казался весьма недовольнымъ, что я не зналъ ни одного изъ его произведеній, опубликованныхъ въ Туринѣ на итальянскомъ языкѣ у моего же издателя.

Но болѣе всего и съ полнымъ правомъ гордился онъ своей физической силой и выносливостью, которая онъ, кажется, не безъ удовольствія показывалъ мнѣ. Въ самый день моего пріѣзда онъ въ продолженіе двухъ часовъ игралъ со своею дочерью въ лаунъ-тенисъ, послѣ чего, сѣвъ на имъ же самимъ

взнузданную и осѣдланную лошадь, пригласилъ меня ѣхать вмѣстѣ съ нимъ купаться.

Ему доставило большое удовольствіе видѣть, что я черезъ четверть часа не могъ уже плыть за нимъ, и, когда я выразилъ удивленіе его силѣ и выносливости, жалуясь на свою немощность, онъ протянулъ руку и приподнялъ меня довольно высоко отъ земли, легко, какъ маленькую собачку. Конечно, только благодаря этой тѣлесной силѣ и своему вышеописанному образу жизни, онъ былъ въ состояніи преодолѣть тяжелую болѣзнь, которою страдалъ въ послѣднее время.

Затѣмъ я послѣдовалъ за нимъ въ его рабочій кабинетъ, гдѣ меня ожидалъ совершенный сюрпризъ. Между тѣмъ, какъ весь домъ былъ убранъ по барски, особенно спальня, на одной изъ стѣнъ которой было изображеніе Божьей Матери, помѣщенное его женой подъ грозными лицами портретовъ предковъ Толстого, которые далеко не были филантропами или философами, его рабочій кабинетъ оказался бѣдной сводчатой кельей, настоящей норой безъ малѣйшихъ украшеній, кромѣ небольшого числа самыхъ необходимыхъ книгъ, помѣщавшихся въ стѣнныхъ нишахъ этого убѣжища.

Когда я спросилъ его о причинѣ такой чрезвычайной простоты и скудости, которыя, казалось, должны были дѣйствовать подавляющимъ образомъ на вдохновеніе генія, не вполне удовлетворяя въ то же время и потребности въ воздухѣ и свѣтѣ, онъ сказалъ, что велѣлъ построить себѣ эту келью во избѣжаніе шума, чтобы никакой звукъ извнѣ не могъ нарушить его работы.

Его жена, его вѣрный охранитель, хлопочетъ, чтобы никто и ничто не проникало въ это маленькое святаго святыхъ ея мужа. Она-же, а отчасти и ея дочери переписываютъ по ночамъ до десяти разъ разныя замѣтки, набросанныя имъ въ продолженіе дня на клочкахъ бумаги, содержаніе которыхъ ни одинъ типографъ не могъ бы разобрать, составляя такимъ образомъ изъ этихъ отрывочныхъ набросковъ удивительную по своей ясности прозу Толстого.

Во время завтрака, который былъ поданъ въ павильонѣ, находившемся неподалеку отъ дома, я могъ замѣтить ту пол-

нѣйшую свободу, которой пользуется каждый у Толстого. Самъ онъ, также какъ одна изъ его дочерей вегетарианецъ и абстинентъ, между тѣмъ какъ прочіе ѣдятъ, что имъ угодно и, какъ вездѣ, кушанья имъ приносятся слугами. Но Толстой, который, какъ онъ сказалъ мнѣ, не признаетъ отношеній господъ и слугъ, самъ и готовитъ себѣ пищу и приноситъ ее себѣ изъ кухни. Разумѣется, онъ долженъ употреблять ее въ большомъ количествѣ, чтобы изъ менѣе питательнаго растительнаго матеріала извлечь необходимые для его могучаго организма элементы.

И вотъ только тутъ, да еще когда я съ помощью слуги сѣдился на лошадь, замѣтилъ я въ немъ остатокъ его старой склонности къ прозелитизму:

— Зачѣмъ, спросилъ онъ меня, вы позволяете служить себѣ другому человѣку? Я и сапоги себѣ чищу самъ, потому что не должно быть ни слугъ, ни господъ.

Я отвѣтилъ на это просто, что таковъ обычай въ Европѣ, и что такъ какъ у него есть слуги, то должны же они къ чему-нибудь служить.

Другой парадоксъ, сказанный имъ мнѣ вполголоса, касался врачей, которыхъ онъ считалъ причиной нервной болѣзни своего сына, но когда я старательно изслѣдовалъ одну изъ его дочерей, очень симпатичную молодую дѣвушку, которую лечилъ отъ тифа какой-то старый, негодный врачъ, и посоветовалъ ему пригласить молодого врача изъ Тулы, то мнѣ показалось, что онъ измѣнилъ свой неблагопріятный взглядъ на молодыхъ послѣдователей Эскулапа. Вообще говоря, онъ, по моему мнѣнію, былъ парадоксаленъ болѣе на словахъ, чѣмъ на дѣлѣ.

Но особенное удовольствіе доставляло ему показать мнѣ очевидный примѣръ вѣрности его гигиенической и моральной теоріи. Послѣ завтрака онъ представилъ мнѣ очень худощавую женщину лѣтъ сорока, одѣтую въ простое, темное шерстяное платье, которая въ отвѣтъ на его вопросы сказала мнѣ, что она сосѣдняя крестьянка, страдала чахоткой и, будучи объявлена неизлечимой врачомъ, стала жить по примѣру Толстого, т. е. заниматься полевыми работами и питаться растительной пищей, причемъ она роздала все свое имущество бѣднымъ, оставивъ себѣ только небольшой кусокъ земли, достаточный для удовлетво-

ренія необходимыхъ потребностей жизни. Когда зимою семья Толстого уѣхала въ городъ, она, читая и перечитывая его сочиненія, продолжала тотъ же образъ жизни, которому и обязана своимъ исцѣленіемъ.

Зная, какъ врачъ, какія чудесныя исцѣленія производитъ порою религіозное внушеніе, я, конечно, ни мало не былъ изумленъ этимъ случаемъ, между тѣмъ, какъ Толстой указываетъ на него съ торжествомъ, какъ на какое-то чудо.

Я видѣлъ совершенную невозможность говорить съ нимъ, не раздражая его, о нѣкоторыхъ предметахъ и особенно о томъ, что у меня больше всего лежало на сѣрдцѣ, убѣждать его, на примѣръ, въ справедливости теоріи «прирожденныхъ преступниковъ», которую онъ *упрямо* отрицалъ, хотя онъ, какъ и я, лично видѣлъ такіе типы и описывалъ ихъ. Но тутъ между нами возвышалась духовная стѣна, которая мѣшала намъ понимать другъ друга.

Стѣна эта заключалась въ его изумительномъ утвержденіи, что ни моя, ни прочія теоріи уголовного права не объяснили еще, на чемъ человѣческія общества основываютъ свое право наказывать преступниковъ.

Я сказалъ ему, что Оро, я, Ферри, Горофало и раньше меня — Романьози, не прибѣгая ни къ какому сверхчеловѣческому или божественному праву, основали право наказывать на правѣ самозащиты: на той же необходимости, которая заставляетъ насъ поневолѣ быть жестокими съ животными, пользоваться ихъ мѣхами и мясомъ, чтобы не умереть отъ холода и голода, и еще болѣе на той необходимости, которая вынуждаетъ насъ убивать животныхъ, когда они угрожаютъ нашей жизни.

Мы, такъ же, какъ и вы, сказалъ я, говоримъ такъ называемымъ природнымъ преступникамъ: «вы не виновны, совершая это преступленіе». Но мы прибавляемъ къ этому: «не виновны и мы тоже, если природныя свойства вашего организма ставятъ насъ въ необходимость ради собственной самозащиты лишать васъ свободы, хотя мы и сознаемъ, что вы болѣе заслуживаете состраданія, чѣмъ ненависти».

Онъ оставался глухимъ ко всѣмъ этимъ доводамъ, насупливалъ свои страшныя брови, металъ на меня грозныя молніи изъ своихъ глубоко сидящихъ глазъ и наконецъ произнесъ:

— Все это бредъ. Всякое наказаніе преступно!

Нѣсколько мѣсяцевъ послѣ этого, читая его «Воскресеніе», я нашель тамъ фактическія доказательства тому, что я напрасно надрывалъ свои легкія.

Немного спустя, я могъ убѣдиться собственными глазами, какъ много истинной доброты заключается въ великой душѣ этого человѣка, не смотря на злой и гнѣвный блескъ его глазъ во время спора.

Я видѣлъ безконечную толпу, настоящую процессію бѣдныхъ, сиротъ, больныхъ и несчастныхъ душою и тѣломъ, людей молчаливыхъ, какъ тѣнь, изъ которыхъ одни прибыли сюда изъ далекихъ концовъ Россіи въ телѣжкахъ, везомыхъ ободранными клячами или полуголодными собаками; другіе прибрели на костыляхъ или были принесены на плечахъ товарищей, — и всѣ они, получивъ отъ графа деньги, совѣтъ или утѣшеніе, уходили ободренные.

Эта процессія, какъ я узналъ, возобновлялась еженедѣльно; она выразительнѣе всѣхъ книгъ и полемикъ... *)

По моемъ возвращеніи въ Кремль бравый генераль спросилъ меня, какъ я нашель Толстого.

— Мнѣ кажется, отвѣтилъ я, что это сумасшедшій, который гораздо умнѣ многихъ глупцовъ, обладающихъ властью. Но какъ же относится къ нему полиція?—спросилъ я въ свою очередь генерала.

— Очень просто, отвѣтилъ онъ. Мы разсматриваемъ его сочиненія и на тѣ изъ нихъ, которыя опасны для государства, налагаемъ запрещеніе, а его самого оставляемъ въ покоѣ. Но

*) По этому поводу Ж. Бурдонъ рассказываетъ совершенно противоположное: онъ увѣряетъ, что въ Ясной Полянѣ царствуетъ ужасная нищета, мужики бѣдствуютъ, а графъ не обращаетъ на это ни малѣйшаго вниманія. На замѣчаніе Бурдона графъ отвѣтилъ со смѣхомъ, что мужикамъ много не нужно, такъ какъ они довольствуются малымъ — ils se contentent de peu

Другой интервьюэръ ехидно замѣчаетъ, что графъ хладнокровно относится къ бѣдствіямъ мужиковъ. Графъ, вѣроятно, — остритъ интервьюэръ, — полагаетъ, что матеріальная помощь — палліативы. Гораздо важнѣе — насажденіе здравыхъ понятій, свѣтлыхъ взглядовъ на... тощій желудокъ.

если кто нибудь изъ его друзей окажется опаснымъ для государства, то мы такого отправляемъ въ Сибирь.

Эта послѣдняя фраза можетъ до нѣкоторой степени оправдать опасенія, которыя я испытывалъ за себя во время моего пребыванія въ Россіи.

* * *

На этомъ повѣствованіе заканчивается. Хотя со времени пребыванія Ломброзо въ Россіи у насъ многое измѣнилось къ лучшему, но, удивительная вещь, полиція всегда остается только полиціей.

Восемь лѣтъ тому назадъ, восемьдесятъ и даже двѣсти лѣтъ назадъ полиція отличалась однимъ и тѣмъ же направлениемъ. Прогрессъ, цивилизація ея не коснулись. Вотъ именно у кого, крѣпко держатся традиціи, стойкость и постоянство—у полиціи.

Въ «Основахъ полицейской службы» фабрикаціи бывшаго петербургскаго градоначальника Клейгельса сказано:

«Между тѣмъ находятся такіе близорукіе люди, которые считаютъ полицію какимъ то людскимъ пугаломъ».

Навѣрное, всемірно извѣстный ученый профессоръ, психіатръ Ц. Ломброзо—тоже одинъ изъ близорукихъ, не раздѣляющихъ «благородныхъ» взглядовъ генерала Клейгельса на полицію.

— Что можетъ быть выше и благороднѣе дѣятельности полиціи? — восклицаетъ авторъ «Основъ полицейской службы».

На этотъ высокой важности мудрый вопросъ трудно отвѣтить.

Интересно только указать, что если такой ученый мужъ, какъ Ц. Ломброзо «испытывалъ опасеніе во время своего пребыванія въ Россіи» за неприкосновенность своей личности, то, по всему вѣроятію, полиція у насъ представляетъ собою учрежденіе неусовершенствованное, отсталое. Въ ней нужно кое-что перемѣнить, освѣжить.

Чѣмъ же должна быть полиція? Что она должна изъ себя изображать въ настоящее время?

На это профессоръ Е. Н. Щепкинъ коротко и ясно отвѣчаетъ:

«Полиція и у насъ не должна болѣе слыть только «люди-скимъ пугаломъ». Для этого она обязана стать на защиту всѣхъ личныхъ свободъ населенія, дѣйствовать сообразно законамъ, то есть нормамъ публичнаго права, устанавливаемымъ при обяза-тельномъ участіи представителей народа, бороться только съ на-казуемыми дѣянїями, но не препятствовать свободной мысли и общественному слову готовить народное правосознаніе для строя будущей Россіи».

Можно ожидать, что въ недалекомъ будущемъ полиція впол-нѣ оправдаетъ свое назначеніе, о которомъ говорилъ въ своихъ «Регламентяхъ» Петръ Великій: «полиція должна заботиться вос-питывать юныхъ въ цѣломудренной чистотѣ и честныхъ наукахъ».

Пожалуй, не за горами то время, когда о полиціи и поли-цейскихъ участкахъ, камерахъ одиночнаго заключенія, русскіе «граждане» не будутъ вспоминать, подобно итальянскимъ чита-дини:

Самъ Данте въ своихъ вдохновенныхъ строфахъ,
Самъ геній Флоренціи былъ бы не въ силахъ
Представить тотъ ужасъ, тѣ муки, тотъ страхъ,
Какіе въ застѣнкахъ полицій постылыхъ
Мы выносили...
